

НЕЙРОМОНАХ ЛЕШИЙ OG

ЧЕРДАК ЛЕШЕГО OG: КОД ГРИБНИЦЫ

Нейромонах ОГ

Чердак Лешего

ОГ: Код Грибницы

<https://litres.ru/74003316>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если наш мир — лишь графическая оболочка, под которой гудит бесконечный код древней Грибницы?

Максим рассчитывал на спокойное лето, уехав из Петрозаводска на глухой карельский хутор, чтобы разобрать вещи в уединенном доме покойного деда. Но реальность дает каскадный сбой, и цифровая аномалия по цепочке ползет из лесной глуши прямо в городские кварталы. В небе пропадают текстуры, улицы Петрозаводска превращаются в проволочный каркас, а жителей штурмуют безликие Архитекторы. Оказывается, дед был системным администратором этой реальности, оставившим после себя взломанный root-доступ.

Вооружившись магнитофоном «Весна-306», дедовским дневником и боевым софтом Barsik.sys, Максим должен подключиться к мицелию и вручную переписать поврежденные сектора вселенной. Но у каждого патча есть цена — тающий ресурс его собственной Оболочки.

Добро пожаловать в Нулевой Цикл. Книга первая.

Содержание

Пролог. Последний лог Нейромонаха	4
Глава 1. Ненужный хлам	8
Глава 2. Системные требования	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Нейромонах Леший ОГ

Чердак Лешего

ОГ: Код Грибницы

Пролог. Последний лог Нейромонаха

Мир снаружи кажется тебе твердым.

Ты наступаешь подошвой кроссовка на асфальт и чувствуешь сопротивление. Ты трогаешь рукой холодный бетонный забор, вдыхаешь запах мокрой пыли после грозы, завариваешь чай и слышишь, как со свистом закипает старый эмалированный чайник. Тебе кажется, что все это реально. Что у вещей есть масса, плотность и неизменная форма.

Это твоя главная иллюзия. И твоя единственная защита.

На самом деле мир — это очень старая, медленно остывающая программа, запущенная на сервере, имя которому Нулевой Цикл. Всё, что ты видишь, чувствуешь и помнишь — лишь рендеринг. Тонкая, едва натянутая пленка Оболочки над бесконечной, ледяной пустотой статического шума.

Но программа не может работать сама по себе. Ей нужны предохранители. Точки заземления, которые удерживают

этот мир от того, чтобы он не рассыпался на битые пиксели, не превратился в кашу из системных ошибок.

Мы называем эти точки Якорями. А себя мы называем **Орденом Грибников**.

Приставка *OG* в наших шифровках — это не дань дурацкой моде и не рэперский сленг. Это сокращение нашего истинного имени. Орден Грибников. Те самые «оригинальные гангстеры» реальности, которые держат оборону на стыке миров с тех самых пор, как первый Наблюдатель осознал, что лес вокруг него — это не просто деревья.

Когда обычный человек идет по осеннему лесу с плетеной корзиной, он думает, что ищет еду. Он заглядывает под прелые листья, радуется крепкому белому грибу или семейству лисичек. Он глуп. Он не понимает, что гриб — это не растение.

Гриб — это сигнальный диод. Это физический порт вывода данных.

Вся земля под твоими ногами пронизана бесконечной, миллиардолетней сетью мицелия. Грибница — это первая и самая надежная локальная сеть этой планеты. Она старше твоих городов, старше твоих серверов и твоих представлений об интернете. Она связывает каждый дуб, каждый папоротник и каждую травинку в единую базу данных. И именно через Грибницу мы, Наблюдатели Ордена, подключаемся к коду Оболочки.

Мы ходим по лесу не за грибами. Мы проверяем целост-

ность портов. Мы ищем Глитчи — места, где код реально-сти начинает истончаться, где сквозь траву и землю начина-ет проступать серый шум пустоты.

Я пишу это, зная, что мой собственный ресурс Наблюда-теля подходит к концу. Мое тело изношено. Каждый раз, ко-гда я заделывал дыры в пространстве, система забирала у ме-ня проценты жизни. Мое сердце бьется с перебоями, похо-жими на цифровой джиттер. Скоро система выдаст команду на мое удаление.

Но я не уйду просто так. Я не позволю моему сектору схлопнуться.

Я оставляю Якорь на Чердаке нашего старого дома. Обыч-ную металлическую миску. Я ввинтил её координаты в самую структуру пространства этого места. Пока она стоит там, по-ка на нее направлено чье-то внимание, Чердак остается ста-бильной точкой. Хранилищем. Архивом.

За Якорем присмотрит Барсик. Он — не совсем кот. Он — автономная утилита стабилизации, которую я прописал в этом секторе. Его взгляд бесконечен, его терпение системно.

Если ты читаешь эти строки, значит, меня больше нет в Оболочке. Мое сознание растворилось в мицелии, ушло в глубинные слои кода Грибницы. Но Чердак остался. И Якорь ждет нового оператора.

Запомни три главных правила, внук:

Никогда не сдвигай миску. Если ты переместишь её хо-тя бы на миллиметр, не пересчитав координаты простран-

ства, ты создашь локальный сбой, который сотрет половину дома.

Береги ресурс. Каждый раз, когда ты меняешь реальность под себя, ты платишь своей кровью. Система не дает кредитов.

Если услышишь шаги снизу — не оборачивайся сразу. Сначала посмотри на Барсика. Если кот спокоен, значит, это просто эхо. Если кот смотрит в темноту — к тебе идет Чистильщик.

Добро пожаловать в Орден Грибников. Твой дед, Нейро-монах Леший ОГ.

Лог закрыт. Запись зафиксирована в секторе 0-С.

Глава 1. Ненужный хлам

Дед всегда говорил, что чердак — это склад памяти. Только память эта в его представлении почему-то всегда пахла сухой хвоей, старой олифой, мышинным пометом и — совсем немного — жженым сахаром.

Я копался в дедовских завалах уже третий час. Работа была монотонной, грязной и смертельно скучной. Нужно было перебрать горы картонных коробок, выбросить пачки пожелтевших газет тридцатилетней давности, рассортировать ржавый крепеж и решить, что из этого хлама можно продать за бесценок на барахолке, а что сразу отправить на помойку.

Июльская жара стояла невыносимая. Двухскатная крыша старого дома, покрытая листами потемневшего шифера, раскалилась на солнце и работала как гигантский радиатор. Воздух под стропилами казался густым, маслянистым; он дрожал, забивая легкие едкой пылью. Я давно снял футболку, швырнув её на пыльный сундук, и теперь периодически вытирал липкий пот со лба предплечьем. Руки уже по локоть были серыми от вековой грязи.

Внизу, в пустом доме, мерно и глухо тикали старые настенные часы с кукушкой. Здесь же, наверху, время будто увязло в этой пыльной духоте. Я потерял ему счет. Мне казалось, что я поднялся сюда всего полчаса назад, но косые лучи солнца, пробивающиеся сквозь единственное мутное окон-

це во фронтоне, уже сдвинулись к самому краю деревянного настила.

Я потащил очередную коробку, набитую какими-то старыми радиодетальями и мотками медной проволоки, освобождая проход к дальнему углу. Там, под самым скосом кровли, где стропильные балки сходились в тяжелый темный узел, стоял колченогий верстак. Рядом с ним на куске засаленной мешковины лежала она.

Обычная металлическая миска.

Я остановился и вытер лоб. Миска была эмалированной, когда-то белой, но сейчас серой от грязи, с глубоким черным сколом на широком загнутом крае. Такие миски десятками валялись в советских гаражах и на дачных участках — в них обычно насыпали болты, разводили клей или наливали воду дворовым собакам.

Я раздраженно выдохнул. Посудина стояла прямо на моем пути, мешая подобраться к ящику со старым дедовским инструментом. Наклоняться за ней было лень. Я просто выставил ногу вперед и небрежно пнул её носком кроссовка, намереваясь отшвырнуть в угол к прочему мусору.

Носок обуви встретил глухое, абсолютно монолитное сопротивление.

Послышался негромкий стук резины о металл, но сама миска даже не шелохнулась. Я нахмурился. С легким удивлением я посмотрел на свою ногу, затем на посудину. По всем законам физики пустая жестянка весом граммов в две-

сти должна была с грохотом улететь под верстак.

Я пнул сильнее, уже сознательно приложив усилие. Кроссовок глухо бахнул по эмалированному борту. Нога отозвалась тупой болью в пальцах.

Миска стояла на месте. Без малейшего сдвига. Без малейшего наклона. Без единого звука.

— Что за чертовщина... — негромко пробормотал я. Мой голос прозвучал в замкнутом пространстве чердака как-то плоско и сухо.

Я присел на корточки, уперся одной рукой в шатающийся край верстака, а другой схватился за щербатый ободок миски. Потянул вверх. Сначала слегка, потом сильнее. Миска не поддавалась. Тогда я обхватил её обеими руками, уперся коленями в скрипнувшие половицы и рванул изо всех сил, напружинив спину.

Ничего.

Это не было похоже на то, как если бы предмет приклеили к полу эпоксидной смолой или прикрутили саморезами. Я отчетливо чувствовал пальцами её вес, чувствовал текстуру металла, но она просто... отказывалась менять свои координаты. Деревянные доски пола под моими ногами жалобно стонали и прогибались, но миска казалась частью самого фундамента дома. Или частью земной коры.

В этот момент за моей спиной, среди груды старых картонных коробок, раздался шорох.

Я резко обернулся, едва не потеряв равновесие. Из пыли-

ной темноты медленно, бесшумно переставляя лапы, вышел кот. Большой, угольно-черный, с гладкой шерстью, которая в полумраке отливала каким-то глубоким, почти синеватым гляncем. Его желтые круглые глаза смотрели на меня в упор. В этом взгляде не было ни страха, ни кошачьего любопытства. Только холодное, системное равнодушие.

Это был Барсик. Дедовский кот, который, сколько я себя помнил, всегда жил в этом доме и, казалось, вообще не менялся с годами.

Барсик подошел ближе, аккуратно обошел меня по дуге и сел в полуметре от неподвижной посуды. Он опустил голову, посмотрел на пустую эмалированную миску, затем снова перевел взгляд на меня.

— Ну и чего ты вылупился? — спросил я у него, чувствуя, как к горлу подступает странная, липкая тревога. — Твой хозяин её тут на суперклею посадил, что ли?

Кот промолчал. Он лишь лениво зажмурился, словно выражая глубокое разочарование моими умственными способностями.

Здравый смысл требовал бросить этот хлам и спуститься вниз, к прохладному колодцу во дворе. Но внутри меня уже проснулся азарт сисадмина, столкнувшегося с непонятным багом в системе. Я должен был найти логическое объяснение. Окисление металла? Влажность? Может, под настилом установлен мощный неодимовый магнит, а дед решил таким образом подшутить над наследниками?

Я поднялся, подошел к верстаку и отыскал среди ржавых железок старую плоскую отвертку с облупившейся деревянной ручкой и тяжелую стальную монтировку.

— Сейчас мы проверим твои магниты, дедуля, — злорад-но прошептал я.

Я снова опустился на колени перед миской. Барсик даже не шевельнулся; он лишь слегка повел ухом. Я приставил плоское жало отвертки к стыку между эмалированным дном и деревянной доской. Надавил. Металл отвертки соскользнул с сухим противным визгом, оставив на дереве глубокую серую царапину. Сама миска даже не вздрогнула.

Тогда я пустил в ход монтировку. Загнал её плоский изогнутый конец под край миски, используя одну из стропильных балок как точку опоры для рычага. Я навалился на стальной рычаг всем весом, чувствуя, как мышцы плеч сводит от напряжения. Монтировка начала заметно прогибаться. Старые сосновые доски под нами глухо захрустели, готовые треснуть пополам.

И тут это случилось.

Звук не был похож на треск ломающегося дерева или скрежет металла. Прямо из тела монтировки, сквозь мои ладони и предплечья, в самый череп ударил сухой, колючий цифровой треск. Будто кто-то на полной громкости включил ненастроенный радиоприемник.

Ш-ш-ш-чи-и-и-рк!

Я вскрикнул от неожиданности и отпрыгнул назад, выро-

нив инструмент. Тяжелая стальная монтировка с глухим стуком упала на пол.

В ту же секунду единственная тусклая лампочка под потолком чердака судорожно моргнула. Один раз. Коротко. Пространство вокруг на мгновение потеряло цвет, став грязно-серым, лишенным теней.

Когда свет восстановился, я замер, не смея перевести дыхание. Воздух на чердаке мгновенно остыл. Духота исчезла, уступив место ледяному, стерильному сквозняку, который пах озоном и сухой замерзшей землей.

Я посмотрел на пол.

Пыль, покрывавшая доски толстым ровным слоем, вокруг миски теперь лежала иначе. Точнее, её там вообще не было. Вокруг металлической посуды образовался идеально ровный, очерченный круг радиусом около тридцати сантиметров. Внутри этого круга доски пола были чистыми, будто их только что отциклевали и покрыли свежим лаком. Но границы этого круга были настолько резкими, словно их провели бритвой. Пыль лежала вплотную к этой невидимой линии, но не смела пересечь её ни на миллиметр.

— Офигеть... — выдохнул я, чувствуя, как волосы на затылке начинают медленно шевелиться.

Барсик спокойно поднял лапу и лениво лизнул её, по-прежнему не сводя с меня своих немигающих желтых глаз.

Я медленно, на дрожащих ногах подошел ближе. Страх боролся с диким, почти болезненным любопытством. Я опу-

стился на колени у самой границы чистого круга. Сердце колотилось в ребра так сильно, что его удары отдавались в ушах.

Я наклонился над миской и заглянул внутрь.

У обычной эмалированной миски должно быть дно. Плоское, серое, с мелкими царапинами. Но у этой миски дна не было.

Вместо него я увидел глубину. Физически невозможную, бесконечную бездну, свернутую внутри крошечного пространства посуды. Это было похоже на взгляд в глубокий колодец, стены которого были выстроены из дрожащих, мерцающих серых линий — точь-в-точь как горизонтальные полосы развертки на экране старого советского телевизора, когда передача закончилась, и в эфире остался только белый шум.

Там, в этой глубине, медленно двигались какие-то смутные геометрические контуры. Прямые линии пересекались под немислимыми углами, складывались в бесконечные рекурсивные коридоры, которые складывались сами в себя и разворачивались вновь. Из этой глубины шёл едва слышный, вибрирующий гул. Он отдавался в моих зубах, заставляя виски пульсировать от тупой боли.

Моя правая рука сама потянулась вперед. Я не хотел этого делать, мозг истошно вопил о смертельной опасности, но тело будто перестало мне подчиняться. Я двигался как во сне, замороженный серым мерцанием бездны.

Пальцы коснулись ободка.

Реальность вокруг меня с тихим сухим щелчком лопнула, как мыльный пузырь.

Чердак исчез. На долю секунды я оказался в абсолютной пустоте, где не было ни верха, ни низа, ни тепла, ни холода. Были только бесконечные потоки данных — зеленые, серые и белые строчки символов, складывающиеся в сложные, постоянно меняющиеся трехмерные каркасы. Я видел каркас дома, видел каркас леса за окном, видел самого себя — как сложную систему переменных, которая сейчас судорожно пыталась встроиться в общий поток.

И над всем этим, прямо перед моим мысленным взором, вспыхнула четкая системная строка:

[ВНИМАНИЕ: Обнаружено новое подключение. Идентификация субъекта... Субъект: Максим. Статус: Наблюдатель (не верифицирован). Сектор: 0-С (Чердак Лешего). Ресурс Оболочки: 100%]

Я дернулся назад, разрывая контакт.

С громким хлопком лампочка под потолком взорвалась, осыпав меня крошечными стеклянными осколками. Чердак мгновенно погрузился в плотную, непроглядную темноту. Единственным источником света оставалась сама миска — она продолжала слабо, призрачно фонить тем самым серым телевизионным светом.

Я сидел на полу, тяжело и хрипло дыша. По лицу тек пот, смешиваясь с пылью.

— Что это за место... — прошептал я, сжимая кулаки. Мои ладони все еще покалывало, словно от слабого разряда статического электричества.

Я посмотрел на свои руки. В полумраке они казались слегка размытыми по контуру, будто видеокарта моего мира не успевала прорисовывать границы моего тела.

— Ты теперь видишь это, да? — раздался в моей голове тихий, сухой голос.

Я вздрогнул и дико огляделся. Но на чердаке не было никого, кроме меня и черного кота. Барсик сидел на том же месте. Он смотрел на меня, и в его желтых глазах теперь отчетливо читался статус, прописанный мерцающим шрифтом прямо в воздухе над его ушами:

[Barsik.sys: Утилита стабилизации. Статус: Активен]

До меня начало доходить. Медленно, со скрипом, ломая все мои представления о здравом смысле и нормальном мире.

Реальность вокруг меня не была настоящей. Бетонные заборы, пыльный шифер, старый эмалированный чайник внизу — всё это было лишь Оболочкой. Тонкой, натянутой на каркас программой. А мой дед... он не был просто сумасшедшим стариком, который собирал хлам. Он был Наблюдателем. Системным администратором этого сектора. И теперь его место занял я.

Я поднялся на ноги. Страх уступил место безумному, пьянящему чувству контроля. Если это программа, значит, её

можно настраивать?

Я посмотрел на старый трехногий табурет, стоявший у прохода. На нем лежали плоскогубцы и моток синей изолен-ты.

Я сосредоточился. Не просто посмотрел, а попытался «на-давить» на него своим новым зрением, мысленно приказыва-вая табурету сдвинуться чуть левее.

Пространство вокруг мебели смазалось, задрожало. Раз-дался уже знакомый цифровой треск: *ш-ш-чирк*.

И табурет послушно переместился на полметра в сторону. Вместе со всеми инструментами.

— Получилось... — выдохнул я, готовый рассмеяться от восторга.

Но смех застрял у меня в горле.

Там, где табурет стоял секунду назад, на полу остался след. Черный, идеально ровный круг диаметром с кулак. Но это была не тень и не грязь. Это был провал. Абсолютное, звенящее ничто, сквозь которое не было видно досок пола. Дыра в текстурах мира, которая слабо глитчила по краям се-рыми пикселями.

В ту же секунду мою голову пронзила такая дикая, острая боль, что я со стоном упал на колени, обхватив череп рука-ми. В глазах полыхнуло красным. Из левой ноздри на чистые доски пола закапала густая, темная кровь.

В сознании высветилось новое предупреждение:

[ВНИМАНИЕ: Несанкционированное изменение струк-

туры. Возникновение локального Глитча. Расход ресурса Оболочки: -5%. Текущий ресурс: 95%. Запущен процесс системной очистки]

— Черт... — прохрипел я, вытирая кровь под носом. Каждое движение стоило мне жизни. В прямом смысле. Система забирала плату кровью.

И тут снизу раздался звук.

Тук... Тук... Тук...

Тяжелые, абсолютно ровные шаги. Кто-то поднимался по деревянной лестнице к люку чердака. Шаг — секунда тишины. Шаг — секунда тишины. Механический, бездушный ритм. Так не ходит живой человек.

Я в панике посмотрел на Барсика. Кот даже не повернулся к люку. Он продолжал смотреть на созданную мной черную дыру в полу.

Шаги приблизились. Деревянная крышка люка, закрытая на засов, вдруг начала медленно, беззвучно приподниматься вверх, ломая железный запор, словно тот был сделан из пластилина.

Из темноты проема медленно поднялась фигура.

На нем был пыльный, серый советский костюм-тройка. Но когда существо поднялось во весь рост, я понял, что у него нет лица. Абсолютно гладкая, ровная кожа телесного цвета. Пространство вокруг его головы мелко дрожало, выдавая аналоговые помехи. Из рукавов пиджака высывались грубые, едва детализированные кисти рук, где пальцы были

сросшимися, как у дешевой трехмерной модельки.

Это был Архитектор. Системный чистильщик, пришедший удалить ошибку кода.

Он сделал шаг в мою сторону. От него веяло таким ледяным, космическим холодом, что мое дыхание мгновенно превратилось в белый пар. Он протянул свою недорисованную руку над черной дырой в полу.

Воздух затрещал. Дыра начала медленно затягиваться, но вместе с этим я почувствовал, как из меня буквально выкачивают жизнь.

[Ресурс Оболочки: 90%... 85%... 80%...]

В глазах начало темнеть. Я понял: он не просто заделывает дыру. Он стирает всю область сбоя. Вместе со мной.

Я не мог бежать — ноги словно приросли к полу. И тогда, повинаясь какому-то безумному интуитивному порыву, я закрыл глаза и попытался поймать частоту того самого цифрового шума, который звенел в моих ушах. Я сосредоточился на безликой фигуре в сером костюме. Я перестал видеть в нем монстра. Я увидел в нем программу.

Я мысленно, изо всех сил, рванул эту структуру на себя, транслируя в сеть единственную команду:

«СБОЙ УСТРАНЕН! Я — НАБЛЮДАТЕЛЬ! ЯКОРЬ ЗАФИКСИРОВАН!»

Пространство между мной и Архитектором натянулось, как гитарная струна. Звук помех стал оглушительным, переходя в ультразвуковой свист.

И всё прекратилось.

Боль в голове мгновенно утихла. Я открыл глаза и тяжело рухнул на ладони, хватая ртом холодный воздух.

Безликий Архитектор замер. Его рука медленно опустилась. Черная дыра в полу больше не затягивалась — она осталась размером с небольшое чайное блюдце, но её края больше не глитчили. Пространство вокруг неё стабилизировалось.

Существо медленно повернуло ко мне свою гладкую голову. По его безликому овалу пробежала легкая рябь.

В моей голове прозвучал сухой, лишенный всяких эмоций синтезированный голос:

[Запрос принят. Обновление конфигурации. Новый Оператор верифицирован для сектора "Чердак Лешего". Права доступа предоставлены. Лог закрыт]

Архитектор сделал шаг назад, плавно опустился в проем люка и бесшумно исчез в темноте лестницы. Крышка люка сама собой опустилась на место, и засов со щелчком встал в паз.

Я остался один. На темном чердаке, с разбитой лампочкой, капающей из носа кровью и светящимися серым неоном пальцами рук.

Барсик спокойно поднялся, подошел к металлической миске, лизнул её чистый край и тихо, по-кошачьи замурчал.

Моя обычная жизнь, с мыслями о скучной учебе и разборке старого хлама, закончилась десять минут назад. Я по-

смотрел на светящиеся контуры своих рук и понял, что теперь я — часть Ордена. И мне чертовски хочется узнать, что за код скрывает эта чертова Грибница.

Запись зафиксирована в секторе 0-С. Ресурс Оболочки: 75%.

Глава 2. Системные требования

Просыпаться на грязном полу с ощущением, будто твою голову пропустили через промышленный блендер — сомнительное удовольствие.

Я открыл глаза. Было уже глубокое утро. Раскаленное июльское солнце нещадно било сквозь единственное мутное оконце, превращая пыль, висящую в воздухе, в лениво кружащиеся золотые песчинки. Пахло разогретым деревом, сухой травой и — совсем слабо — озоном, как после сильной грозы.

Я сел, поморщившись от резкой боли в затылке. Пальцы коснулись чего-то острого. Осколки лампочки. Вчерашний взрыв не был сном.

Я провел рукой под носом. На губе осталась сухая корочка запекшейся крови. Во рту стоял отчетливый, противный вкус ржавого железа.

— Ну и чертовщина... — прохрипел я. Мой собственный голос показался мне плоским, лишенным объема, словно его записали на дешевый диктофон и пустили через копеечные динамики.

В углу чердака, прямо на засаленной мешковине, сидел Барсик. В утреннем свете он выглядел как самый обычный деревенский кот — толстый, черный, лениво умывающий лапу. Никаких мерцающих строк над ушами, никакой утилиты

Barsik.sys. Но когда я попытался прищуриться и сфокусировать на нем зрение так же, как вчера...

Пространство вокруг его усов едва заметно дрогнуло, подернувшись серой рябью, как на экране старого телевизора при плохом сигнале. Контур кошачьего тела на секунду потеряли четкость, разделившись на едва заметные слои.

Я тут же зажмурился. Голову снова прошла короткая, злая боль.

— Понял, понял. Больше не балуюсь, — пробормотал я, поднимаясь на ноги.

Колени дрожали. Я чувствовал себя так, словно не спал трое суток, а потом разгружал вагоны. Внутри горело сосущее чувство пустоты. Это не был обычный голод — это была какая-то системная истощенность. Будто батарейку моего телефона разрядили до критических пятнадцати процентов, включили режим энергосбережения и снизили яркость экрана до минимума.

Я посмотрел на свои ладони. Кончики пальцев больше не светились серым неонам, но кожа казалась бледной, почти прозрачной.

На полу, у моих ног, лежала та самая эмалированная миска. Обычная, щербатая жестянка. Я осторожно обошел её стороной. Наступать на нее или, упаси бог, пинать её еще раз у меня не было ни малейшего желания. Теперь я знал: эта штука — не просто хлам. Это Якорь. Точка, в которой код нашего мира намертво прибит к фундаменту этого чердака.

Мне нужны были ответы. Желательно — написанные простым русским языком, без системных предупреждений в моей голове.

Я подошел к колченогому верстаку деда. Среди ржавых тисков, банок с засохшим солидолом и мотков медной проволоки стояла старая жестяная коробка из-под советского печенья «Юбилейное». Рисунок на крышке давно выцвел, покрывшись царапинами и бурыми пятнами ржавчины.

Я потянул за крышку. Она поддалась с противным скрежетом.

Внутри не было печенья. Там лежали старые тетради в плотных обложках, несколько пожелтевших схем, нарисованных тушью на миллиметровке, и толстый блокнот, обтянутый грубой черной клеенкой.

На обложке блокнота жирным черным маркером, который уже начал осыпаться мелкой крошкой, было выведено две буквы:

«О. Г.»

Я хмыкнул, усаживаясь на пыльный сундук. — О.Г... — тихо произнес я. — И тут этот твой рэп, дедуля. Original Gangster? Старая школа?

Я открыл первую страницу. Почерк деда я узнал сразу — корявый, размашистый, с вечно недописанными хвостиками у букв, будто он постоянно куда-то спешил или боялся, что у него отберут ручку.

Я начал читать.

«Если ты открыл эту тетрадь, ввук, значит, меня больше нет в Оболочке. И значит, ты уже потрогал миску. Дурак ты, Максимка, я же просил её не трогать. Но раз уж потрогал — сиди и слушай».

Я невольно улыбнулся. Дед даже с того света умудрялся меня отчитывать.

«Начнем с главного. Тебе, как аййтишнику, так будет проще. Реальность вокруг тебя — это не бетон, не дерево и не законы Ньютона. Это рендеринг. Картинка, которую твой мозг собирает из системных данных. Мы называем этот слой Оболочкой. Под ней — ледяной хаос Нулевого Цикла. Программа старая, сервер дышит на ладан, память течет во все стороны. Чтобы мир не рассыпался на битые пиксели, системе нужны точки заземления. Мы называем их Якорями.

А себя мы называем Орденом Грибников.

Приставка "OG" на моих чертежах и в шифровках — это не дурацкие понты из телевизора. Это наше имя. Орден Грибников. Оригинальные Наблюдатели этой реальности».

Я замер, перечитывая строчку несколько раз. — Орден... кого? — вслух переспросил я у пустой комнаты. — Грибников? Дед, ты серьезно?

Я посмотрел на Барсика. Кот лениво зевнул, обнажив мелкие острые зубы. Ему явно было все равно, как называется орден, лишь бы его не трогали.

Я вернулся к тексту.

«Не ржси, умник. Знаю, о чем ты подумал. Кучка безумных стариков с плетеными корзинами ползает по болотам в поисках галлюциногенов. Так думает обыватель. И это наша лучшая маскировка.

На самом деле гриб — это не растение и не животное. Это отдельное царство. И создано оно было не для того, чтобы его жарили с картошкой. Гриб — это физический порт вывода данных. Юсби-розетка, если тебе так понятнее.

Вся планета под твоими подошвами пронизана миллиардолетней сетью мицелия. Грибница — это первая, самая мощная и самая надежная локальная сеть Земли. Она связывает каждое дерево, каждый куст и каждую травинку в единую базу данных. Через эту сеть система распределяет ресурсы Оболочки. И именно через Грибницу мы, Наблюдатели, подключаемся к коду реальности».

Я почувствовал, как по спине пробежали холодные мурашки. Логика деда была безумной, но она... черт возьми, она работала! Она объясняла всё то, что я видел вчера. Сетку координат, проступающую сквозь пыль, дрожание пространства, системный статус кота.

«Когда Грибник идет по лесу с корзиной, он не еду ищет. Он проверяет порты. Ищет Глитчи — места, где код Оболочки истончился, где начинает проступать серый шум пустоты. Мы латаем эти дыры своим вниманием. Фиксируем реальность.

Но за всё надо платить. Система не дает бесплатных прав администратора.

Каждое изменение, которое ты вносишь в Оболочку, требует вычислительной мощности. Для сервера это просто такты процессора, а для твоего тела — это Ресурс Оболочки. Твоя жизненная сила. Твоя кровь, твои нервные клетки, твое время.

Вчера ты, небось, уже попробовал пошевелить табуретку силой мысли? Получил дыру в полу и кровь из носа? Поздравляю, ты потратил первые проценты. Текущий лимит твоего ресурса теперь зафиксирован системой. Если он упадет до нуля — сработает процедура "Garbage Collector". Мусорщик. Тебя просто сотрут из Оболочки как неиспользуемую переменную. Твои вещи останутся, а тебя самого никто и никогда не вспомнит».

Я сглотнул сухую слюну. Вспомнил вчерашнее предупреждение в голове: [Расход ресурса Оболочки: -5%. Текущий ресурс: 95%]. А после встречи с Архитектором цифра упала до 75%. Значит, четверть моей жизни просто сгорела за один вечер?

— Черт... — прошептал я. Ставки поднялись до предела. Это была уже не игра в виртуальную реальность. Это была игра со смертью в режиме "hardcore".

Я лихорадочно перевернул страницу.

«Как восстановить ресурс? Запомни правило номер один: дома ты его не восстановишь. Стены, бетон, железобе-

тонные перекрытия — всё это экранирует сигнал Нулевого Цикла. Оболочка здесь слишком плотная, она только жрет твои силы.

Чтобы зарядить батарейку, тебе нужно подключиться к сети напрямую. Тебе нужен Лес. Живой, нетронутый сектор, где Грибница активна.

Завтра утром, как только сойдет роса, бери дедовский нож, корзину (для маскировки, дурень!) и иди в сектор 0-С. Это наш лес за окраиной деревни. Тебе нужно найти "активный порт" — старый белый гриб под трехствольной березой у сухого ручья. Подключись к нему. Очисти разум от бытового мусора и просто смотри на него, пока код не начнет синхронизацию.

И главное, Максимка. Береги Барсика. Он — не просто кот. Он — утилита стабилизации. Если вокруг тебя начнет плыть реальность, а Барсика рядом не будет — тебе конец. Твой мозг просто не выдержит нагрузки и схлопнется в бесконечный рекурсивный цикл».

На этом запись обрывалась. Дальше шли какие-то таблицы с непонятными цифрами, формулы, больше похожие на куски ассемблерного кода, и зарисовки странных геометрических фигур, от одного взгляда на которые у меня начинали слезиться глаза.

Я закрыл блокнот. Жестяная коробочка тихо звякнула, когда я опустил крышку.

На чердаке было тихо. Барсик подошел ко мне, потерялся

пушистым боком о мою джинсу и негромко, требовательно муркнул. Его мурчание действительно напоминало тихий, ровный гул работающего кулера в системном блоке компьютера.

Я посмотрел на свои часы на телефоне. Экран мобильника странно мерцал. Значок сети то пропадал полностью, то показывал непонятные символы вместо палочек связи: [err: no connection to Base_Station_0].

У меня оставалось 75% ресурса. Я чувствовал себя истощенным, голова гудела, а реальность вокруг казалась подозрительно зыбкой — словно трехмерная сцена в игре, где забыли настроить сглаживание текстур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.